

Лада Зорина

ИЗМЕНА

Я тебя разлюбил

Лада Зорина

Измена. Я тебя разлюбил

«Литнет»

2025

Зорина Л.

Измена. Я тебя разлюбил / Л. Зорина — «Литнет», 2025

— У тебя появилась любовница? Муж смотрел на меня с безразличием. —
Что, извини?.. — Или ты пока гадаешь, хороша ли для этой роли дочь твоего
делового партнёра? Я вот гадаю, хватит ли тебе честности это признать.
Игорь смерил меня уничижительным взглядом: — Ждёшь от меня шока
и оправданий? — Я жду от тебя правду! — Как угодно. Она не просто
любовница, Даш. Она способная молодая специалистка. К тому же дочь
уважаемого человека. — Ты... действительно спишь с дочерью партнёра? —
выдавила я из себя. Муж посмотрел на меня с недоумением. — Даш, я тебя не
пойму. Ты ведь правды хотела? Ты её получила. Что-то не так? Один случайно
подслушанный разговор уничтожил 30 лет брака и открыл для меня тяжёлые
тайны, которые скрывал от меня муж...♥# властный и жестокий мужчина ♥#
молодая любовница ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

© Зорина Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

— ...ты бы её видела! Да там такая фифа, что просто глаз не оторвать! Блин, как-то не принято в этом признаваться, но я обзавидовалась. На ней украшений было, наверное, на миллион!

Слышу за дверью восторженное щебетание дочери по телефону и не могу сдержать улыбки — видимо, вчерашний закрытый приём, на котором они были с отцом, до сих пор не отпускал её воображение.

Мероприятие проводилось строго для сотрудников фирмы, плюс я бы в любом случае не смогла его посетить — в наш приют для бездомных животных вчера приезжала съёмочная группа от федерального канала. Очень важный день, который я никак не могла пропустить.

— Нет, я у неё не спрашивала. Да как-то стыдно было с расспросами приставать, — доверительно продолжает дочь, и мне уже как-то неловко, что я невольно подслушиваю её разговор, тем более что дальше её голос снижается, и я каким-то шестым чувством, даже не успев этого как следует осознать, понимаю, что вот сейчас она примется секретничать.

Вероятно, о каком-нибудь молодом человеке, с которым познакомилась на приёме. Там ведь присутствовали не только те, кто работал в фирме отца, но и сотрудники компании, где заправлял новый партнёр мужа — Клюев Виктор Игнатьевич, если память мне не изменяет.

— Да нет. Просто она и так почти весь вечер рядом с отцом проторчала.

Я уже собиралась отшагнуть от дверей, но услышав последнюю фразу, так и застыла на месте, будто меня к нему гвоздями прибили.

О каком отце идёт речь? И кто в конце концов такая эта «она»?

— Не знаю, мы с Пашкой старались к ним не лезть. А Пашка и вообще бы ничего не заметал, если бы я ему не сказала. У него целый список был составлен, с кем бы он хотел пообщаться. Вот он весь вечер и общался. Всё надеется, что найдёт инвесторов для своего стартапа на стороне. А? Да нет. Просто отец его идею сразу забраковал...

Я нетерпеливо переступила с ноги на ногу, расстроенная тем, что и дочь перескочила с темы на тему. Внутри поднималась будто из ниоткуда налетевшая на меня волна отчётливого волнения, до того сильного, что я ощутила дрожь в пальцах.

— ...не спрашивала, — донеслось до меня сквозь зашумевшую в ушах кровь. — Да и что бы я у него спрашивать стала? Там же ничего такого... наверное. Да откуда я знаю? Как ты вообще себе такое представляешь? Подойди к отцу и прямым текстом спросить, типа, па, а чего это ты с дочкой партнёра весь вечер околачиваешься? Да он пошлёт меня подальше, да и всё. Мне, знаешь ли, как-то своё место дорого. Ты просто папочку моего не знаешь — ему если что-то не понравится, он меня запросто из офиса выкинет.

Остаток разговора слушаю уже в каком-то тумане. Пытаюсь по горячим следам вспомнить и снова прокрутить в голове всё, что рассказала только что дочь. Чтобы не включать фантазию и не додумывать то, чего она на самом деле не говорила.

Дочка партнёра? Тут ошибка какая-то. Насколько я помню, Маргарита Клюева приблизительно того же возраста, что и моя Вероника. Ну, может, на пару-тройку лет старше, и представить, что она... что она проявляла такой живой интерес к Игорю? Тем более что всем вокруг известно — он женатый мужчина. Вдобавок пришёл на мероприятие со своими детьми.

Нет, я просто что-то не так поняла. Это всё глупости.

— Ага, — снова подала голос Вероника, но теперь я едва могла её расслышать. — Да просто рано или поздно вся эта ситуация... короче, ты ж понимаешь, если между ними там реально что-то закрутилось, шила в мешке не утаишь. Мне сейчас главное, чтобы мама ничего не узнала.

И это стало решающим фактором. Последней каплей, которая не просто перевесила чашу весов, а навзничь их опрокинула.

Я в два шага преодолела отделявшее меня от полуприкрытой двери расстояние и ворвалась в комнату дочери.

Вероника, ойкнув, обернулась и сползла с кровати.

— Перезвоню, — бросила в трубку и опустила руку с зажатым в ней телефоном. — Ма? Что-то случилось? Я думала, ты на балконе, с цветами возишься.

И она невольно опустила явно испуганный взгляд на мои руки.

— Я и возилась, — ответила я мертвенно ровным голосом. — За инструментом шла и вот... тебя услышала.

Теперь испуг дочери стал очевиден.

— Да я просто... я с Таней говорила. Из отдела продаж...

Всё верно, с подружкой своей болтала. Болтала о том, как матери лишнего не рассказать. Сердце сжалось от невыносимой боли и страшных предчувствий.

— Я слышала. А ещё я слышала, что ты собираешься что-то скрыть от меня.

Глаза Вероники заметались по комнате, будто она надеялась переключить на что-то внимание.

— Вероника, посмотри на меня, — мой голос стал каменным. — Посмотри и объясни мне, пожалуйста, что творилось вчера на этом вашем приёме.

— Мам... — в голосе дочери зазвучала мольба. — Ничего такого там не творилось. И вообще... это не моё дело — о таком говорить...

Боже, она сейчас явно очень сильно жалела, что решила провести этот выходной у нас. Мало того, что отец сегодня отсутствовал, потому что у него были дела в пригороде на одном из объектов, а тут ещё так не вовремя подруга позвонила и потребовала подробностей о вчерашнем мероприятии.

И получила их, а я вместе с ней.

— То есть как это не твоё дело? — фальшиво удивилась я. — Получается, с подружкой о таком секретничать — это твоё дело, а мне правду сказать — уже не твоё?

— Мам... — начала было дочь, но её прервал сигнал дверного звонка.

Муж вернулся домой...

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/Mljz>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Мам... — голос дочери зазвучал совсем жалобно.

Я, уже было шагнувшая в сторону прихожей, невольно обернулась и взглянула на дочь с удивлением. В голове сейчас было слишком сумбурно и шумно, чтобы понять, чего она так испугалась.

— Не говори ему, что я тебе сказала! Он меня из фирмы за такое погонит! Мам, ну пожалуйста!

Такая горячая мольба заставила меня на мгновение замереть, обдумывая её слова. Я никогда не задумывалась над этим. В конце концов мы были семьёй, самыми родными друг другу людьми, и прежде я даже мысли не допускала о том, что Игорь мог намеренно чего-то лишиться своих детей. В конце концов кому как не им завещалось всё то, чего он достиг?..

Но заглядывая в расширившиеся от страха глаза дочери, я вдруг подумала, а что если я неправильно оценивала ситуацию? Что если я уже какое-то время живу в иллюзиях и многого не замечаю? Как, например, не замечаю того, что муж от меня отдалился и с удовольствием проводит время вдали от меня в компании расфуфыренных юных созданий...

Вся эта круговерть мыслей пронеслась в моей голове стремительным вихрем, оставив после себя лишь неизбывную горечь. Горечь от того, что мне придётся принять сложное решение, и я не смогу всем угодить.

А ведь до сих пор я пыталась. До сих пор я только тем и занималась, что угождала всем. Всем, кроме себя.

— Не говорить, что ты мне сказала? — медленно повторила я, уже слыша, как муж закрывает за собой дверь. — А разве ты мне что-нибудь рассказывала? Ты с подружкой делилась, не со мной.

Отвернулась и пошла в прихожую.

Представить себе, что Игорь лишит рабочего места свою обожаемую Вернику из-за того, что она ненароком проболталась, я как ни пыталась, попросту не могла.

— Привет, — увидев меня, Игорь кивнул, задвинул дверь гардеробной, куда отправил своё пальто, и подхватил с полки оставленный там макбук.

— Ты рано, — заметила я, кусая себя за язык, чтобы не накинуться на него прямо с порога.

— Вопрос удалось быстро закрыть. Вероника ещё у нас?

— У нас, — кивнула я. — Как раз успеем втроём пообедать.

— Отлично.

Вот именно. Очная ставка — это то, на что я рассчитывала.

Поражаясь собственному спокойствию, взглянула на кухню и проверила поставленное в духовку мясо. До сигнала таймера оставалось меньше пяти минут.

Дарья, прошу тебя, продержись эти пять минут, чтобы не сорваться раньше времени и не наломать дров.

Позже даже вспоминать не хотелось, скольких сил мне стоило это пятиминутное молчание. Хотя справедливости ради, растянулось оно дольше чем на пять минут — какое-то время заняла сервировка стола. Дочь помогала мне молча, но краешком глаза я подмечала, что она то и дело бросала в мою сторону взгляды. Однако я старательно делала вид, что их не замечаю.

А потом подоспел неожиданный, но своевременный сюрприз — к сестре присоединился Павел.

— Как кстати, — проговорила я, обнимая сына и чувствуя, как мой пульс во сто крат участился.

Вот у нас и случится долгожданное воссоединение. Очень своевременное. Не зная наверняка, что Пашка заглянул к нам на огонёк совершенно случайно, подумала бы что этот семейный обед был кем-то старательно спланирован.

— Как вкусно! — Пашка уплетал мясо и щедро зачерпывал тушёные овощи.

Он явно не в курсе того, что случилось.

Зато вероника елозила вилкой в тарелке и чуяла приближение шторма.

Игорь вёл себя как обычно — за его бесстрастным фасадом ничего нельзя было рассмотреть. Он привык не снимать свою маску ни при каких обстоятельствах.

— Рада, что тебе понравилось, — отозвалась я с улыбкой. — Надеюсь, наш обед не покажется вам слишком простой крестьянской едой после того, чем вас угощали на вашем вчерашнем приёме.

Пашка хмыкнул и помотал головой, не заметив подвоха. Вероника судорожно сжала вилку. Игорь будто вообще мою реплику мимо ушей пропустил.

Но меня такая реакция не смутила. Внутренняя пружина успела сжаться до предела, и обратного пути больше не было.

— Ты, кстати, ни словом о нём не обмолвился, — я взглянула на мужа. — Хотя в двух словах описал бы, как всё прошло.

Муж послал мне ответный взгляд, в котором читалось лёгкое удивление.

— Тебе действительно интересно?

Я буквально кожей чувствовала, как сгущалась за столом атмосфера.

— Мне действительно интересно.

— Всё прошло хорошо.

— Рада, что вам удалось развлечься.

— Приём устраивался не для развлечений.

— Нет? — и я метнула молниеносный взгляд на дочь, которая уткнулась взглядом в свою почти нетронутую тарелку. — Вы там сугубо заключением новых сделок занимались. Новых, вероятно, союзов, достигали взаимовыгодных соглашений.

— Даш, что на тебя нашло? Звучит так, словно ты мне хочешь какую-то претензию высказать, но всё никак не решаешься.

Действительно, и что это я сдерживаюсь?

— Претензию? — фальшиво удивилась я. — А ты считаешь, у меня есть основания для претензий?

Я видела, как Павел медленно опустил вилку на край тарелки и застыл в недоумении.

Мои нервы напряглись до предела.

— Это ты мне скажи, — с ноткой агрессии отозвался супруг. — У тебя появились поводы для претензий?

— Боже упаси. Просто хотелось бы знать, все вчера на вечере вместо своих жён юных дев развлекали?

И я подняла глаза на мужа. Наши ледяные взгляды скрестились, как клинки.

— Понятно, — кивнул Игорь. — Ника, Павел, вон из-за стола. Нам с матерью нужно поговорить.

Глава 3

— Па, — в ответном взгляде сына вспыхнуло возмущение. — Мы вообще-то уже не дети и, к тому же, я ещё не доел.

Игорь перевёл ледяной взгляд на сына. Таким взглядом он чаще всего одаривал кого-нибудь из неправдивых сотрудников, посмеявшихся чем-то насолить высшему начальству.

— Павел, я не просил и не предлагал. Я сказал, вон из-за стола.

Он перевёл немигающий взгляд на дочь и слегка приподнял брови, словно его удивляло, что она всё ещё оставалась за столом вместо того, чтобы вскочить и умчаться из столовой при первых же звуках его голоса.

— Вероника, тебя это тоже касается.

И тут уже становилось предельно понятно, что ситуация — серьёзнее не придумаешь. Игорь очень нечасто позволял себе в таком тоне разговаривать с дочерью. Веронику он обожал.

Дочь бросила на меня нервный взгляд, но так ничего сказать и не решилась. Я тоже хранила молчание. Шестым чувством ощущала, что вмешиваться сейчас и уж тем более укорять мужа за грубость бесполезно. Такая демонстративность с его стороны — сознательно выбранная линия поведения. Этим Игорь собирался подчеркнуть, что ни с кем сейчас церемониться не собирается.

Я знала, чем всё закончится. Никто в семье не перечил её патриарху. До сих пор Игорь пользовался непререкаемым авторитетом. До сих пор — потому что с сегодняшнего дня как минимум один человек подставлять шею под его сапог больше не собирался.

Вероника вышла из столовой вслед за помрачневшим братом и прикрыла за ними дверь. В столовой на несколько секунд воцарилась напряжённая тишина.

Кто сорвётся первым? Кто первым не выдержит напряжения? Игорь мог играть в такую игру часы напролёт.

— Ты собираешься устроить мне лекцию о недопустимости такого вызывающего поведения? — осведомилась я ледяным тоном.

Внутри всё, конечно, горело от смеси плохо поддававшихся контролю эмоций, но пока я держалась.

— Я собираюсь выяснить, что на тебя накатило, — в тон мне ответил супруг.

Что, будем в долгую играть? Раскачиваться от льда до пламени, пока окончательно не взорвёмся. Нет, на такую шахматную партию меня не хватит.

— У тебя появилась любовница?

Игорь смотрел на меня не мигая.

— Что, извини?..

— Или ты пока лишь примериваешься? — проигнорировала я его удивление. — Гадаешь, хороша ли для этой роли дочь твоего делового партнёра. Я вот гадаю, хватит ли тебе честности это признать.

— Ты решила в разоблачительницу поиграть? — хмыкнул супруг, смерив меня уничтожительным взглядом. — Или ждёшь от меня шока и оправданий?

— Я жду от тебя правду!

— Как будто я тебе когда-нибудь врал. Дарья, ты знаешь, я не трачу время впустую. Хочешь, чтобы мы опустили прелюдию и перешли к сути дела? Уверена, что ты это потянешь?

Впервые за время этого разговора мне сделалось не по себе. Пылавшие внутри меня гнев и негодование притушил арктический тон, которым говорил со мной муж. Его ни на секунду не поколебало ничто из того, что я сказала. Но отступать было некуда — мосты со страшным гулом горели у меня за спиной.

— Ты меня на стойкость хочешь проверить?

— Я хочу убедиться, что ты потом не примешься в жестокости меня обвинять.

— Не тяни, Добровольский! Или ты пытаешься на слабо меня взять? — я стащила с колен льняную салфетку и швырнула её на стол жестом заправского дуэлянта, бросавшего сопернику перчатку.

Кажется, именно так этот жест мой муж и расценил. Какое-то время он смотрел на злощастный кусок ткани, покоившийся сейчас на столе. А потом чуть приподнял одно плечо, словно тем самым пытался сказать, мол, и действительно, к чему эти лишние церемонии?

— Мне стоило бы помнить, что ты в первую очередь ценишь всё-таки честность. Она не просто любовница, Даш. Она, можно сказать, мой новый инвестиционный проект. Очень способная молодая специалистка. К тому же дочь уважаемого человека. Очень удачное сочетание.

От того, как спокойно и буднично он это сказал, меня пробила неконтролируемая дрожь. На одно безумное мгновение даже подумалось, а не розыгрыш ли это, случайно? Жестокий, конечно, до безобразия, но вот так бессовестно заявить... Это смахивало на тщательно спланированное издевательство. Будто Игорь уже какое-то время держал в голове именно такое вот объяснение и только ждал удобного часа, чтобы озвучить его мне. Так гладко и без особых усилий.

— Ты... открыто заявляешь мне, что спишь с дочерью партнёра? — выдавила я из себя.

Муж посмотрел на меня с недоумением.

— Даш, что-то я тебя не пойму. Ты ведь правды хотела? Ну так ты её получила. Что-то не так?

Последняя фраза огрела меня сильнее всех остальных. Она стала той самой последней каплей в обрушившейся на меня лавине жестокости.

— Что-то не так? — повторила я онемевшими губами. — Что-то? Всё не так! Ты безо всякого стеснения заявляешь, что спишь с пигалицей, которая вдвое младше тебя! И ты ждёшь, что я это приму?!

Во взгляде мужа мелькнуло неудовольствие. Я позволила себе повысить голос и выпустила наружу эмоции. Игорь не приветствовал хаос, не терпел скандалов и сцен.

— Это тебе решать. Я поведение твоё контролировать не умею. Можешь не принимать, но ситуацию это никак не изменит. Даш, мы всё-таки достаточно давно вместе, чтобы ты успела понять — у меня есть жизнь за пределами нашего дома. И она ничуть не менее важна. Предлагаю тебе вспомнить об этом и прекратить любые истерики.

Глава 4

— Истерики?.. — опешила я.

Самым позорным осознанием сейчас было то, что на несколько секунд слова мужа действительно заставили меня задуматься, а не перегибаю ли я палку.

Игорь — непререкаемый авторитет и привык всех держать в подчинении. Семья привыкла сверяться с его настроениями, его решениями, его взглядом на вещи. Во всём остальном можно и даже нужно сомневаться, в нём — никогда.

Вот так вырабатываются условные рефлексy — надёжно и очень надолго, пока не осознаешь их и не начнёшь бороться с ними — не просто дёргаясь в этих путах туда-сюда, а сознательно.

Думаете, легко? А вы попробуйте противостоять манипуляции человека, на которого привыкли за столько лет брака полностью и целиком полагаться. К которому приросли и прикипели всем своим сердцем. Которого всегда ставили выше себя.

Такие установки выдираются только с кровью и мясом, а значит, впереди много страданий и слёз. Невозможно вытащить засевший в сердце громадный шип и надеяться, что рана тут же затянется.

— Дарья, улови разницу, — муж откинулся на спинку своего стула и взирал на меня как император взирает на подданную со своего высокого трона. — Я не обвинял тебя в том, что ты истеришь. Я попросил тебя от таких перспектив уберечься.

— Ты не просишь, — выплюнула я. — Ты никогда и ни о чём не просишь, Игорь. Ты всегда только приказываешь. Вот и сейчас. Ты даже не замечаешь, что говоришь со мной свысока и так повелительно, будто я твоя прислуга!

Никогда, никогда за всю нашу совместную жизнь я не обвиняла мужа в подобном. Я слишком ценила наш крепкий союз и, наверное, слишком боялась его потерять. Но в последнее время не могла не заметить, что мы отдалялись друг от друга. Ощущение было странное, как если бы я, онемевшая, связанная по рукам и ногам невидимой силой, с беспомощностью наблюдала, как муж отдаляется от меня, не предпринимая никаких попыток даже оглянуться.

Он уходит, а я остаюсь. Одна, сама.

Откуда рождались такие яркие ощущения? Это и зовут интуицией?..

— Твоя страсть к преувеличениям хорошей службы тебе не сослужит, — заявил супруг. — К чему этот драматизм? Даш, ты хоть обратила внимание, что мы уже несколько месяцев живём порознь?

Он надавил на и без того кровоточившую рану.

— И чья это вина? — вскинулась я, мысленно пытаюсь отодвинуться от этой боли. — Тоже моя? Я виновата в том, что ты днями в офисе пропадаешь? Что возвращаешься домой спасибо если не к полуночи? В этом я виновата? Я должна тебя из твоего начальнического кресла выковыривать и гнать домой?

— Поразительно, как вы, женщины, умеете всё перекручивать. Я задал тебе вопрос, на который можно ответить одним словом. Одним!

И он опустил кулак на обтянутый льняной скатертью стол, но так тяжело опустил, что звякнули столовые приборы.

— Так я ещё и отвечать по форме должна? — взвилась я. — А ты? Ты мне ответишь? Объяснишь, что это за новая жизненная парадигма у тебя нарисовалась?

— В ней нет ничего нового. Есть коррективы, которые вносит постоянно растущий бизнес и прочие обстоятельства.

— И растущий бизнес вынуждает тебя завести любовницу?! — взвизгнула я, уже понимая, что сдерживаться сил у меня нет.

— Он не вынуждает меня делать ничего, чего бы я делать не хотел! — рыкнул супруг. — Если ты думаешь, что я буду прятаться от этих вопросов, то ты плохо меня изучила. Я анализирую обстановку и предпринимаю шаги, которые считаю нужным предпринять. Дочка Ключева — наследница громадного состояния и доверенное лицо своего отца. Они заинтересованы в сотрудничестве. Из каких соображений я должен им отказывать?

Я таращилась на него, окончательно сбита с толку цинизмом этих слов.

— Из соображений порядочности, из любви к семье, наконец! Что за идиотский вопрос!

— Порядочность и любовь не имеют к бизнесу никакого отношения. Как и секс на стороне, — припечатал супруг. — То, что какое-то время она погрееет мне постель, никак не касается ни тебя, ни детей. Начинаящей деловой женщине хочется покувыркаться со статусным мужиком. Я могу ей это обеспечить. На время. Потом её страсть поутихнет, она найдёт себе новый объект для воздыханий, но к тому времени нас с её отцом уже свяжут надёжные обязательства. Это называется стратегией, Даш. Именно поэтому я не мешаю личное и профессиональное. Потому что ты не можешь понять всех этих тонкостей и пытаешься закатить скандал на пустом месте.

Если бы его слова не звучали так кошмарно цинично, я подумала бы, что это какая-то шутка. Но для шутки это было уж слишком. Слишком жестоко.

— Ты... совсем на своём бизнесе помешался, — пробормотала я. — Если ты сам веришь в то, что мне говоришь... то я действительно не знаю того человека, с которым живу.

— Это не страшно, — совершенно спокойно ответил супруг. — Тебе ничто не мешает как следует присмотреться и сделать нужные выводы.

Ещё до того, как он это сказал, вбив в крышку гроба нашего брака последний гвоздь, я уже знала, какое решение приму.

— Я уже присмотрелась, — ответила я безжизненным тоном. — И выводы сделала. И они не имеют ничего общего с твоими ожиданиями.

Муж подкатил глаза к потолку, выражая нулевую степень встревоженности.

— Даш, не дури. Пыль уляжется, ты успокоишься, и мы не будем возвращаться к этой теме.

— Мы вообще ни к чему больше возвращаться не будем, — объявила я. — Собирай вещи, Добровольский, и выметайся. Сейчас же!

Глава 5

— Выметаться? — муж посмотрел на меня с усмешкой

В его глазах затаилось недоверие. Он явно не мог вообразить себе, что я позволю себе нечто подобное.

Наш брак не был безоблачной прогулкой под майским дождём. Бывало, конечно, всякое, но чтобы это всякое доводило до подобных ультиматумов... Нет, с подобным мой муж сталкивался впервые.

А я просто отпустила вожжи и перестала сдерживать всё, что рвалось изнутри. Я столько всего замолчала, замела под ковёр в этом браке, что лучше даже не начинать вспоминать. Иначе мне пришлось бы признать, что даже самые долготерпеливые подобным мазохизмом не занимаются. Но есть всё-таки один важный момент — принося жертвы в супружестве, ты понимаешь, ради чего их приносишь. И видишь результаты своих трудов каждый день. Счастливая, дружная семья, которой в итоге все трудности по плечу.

Сейчас уже не та ситуация. Добровольский так привык к спокойствию в своём семейном тылу, что решил не сдерживаться.

— Слух тебя не подводит, — кивнула я. — И я не прошу, Игорь. Я требую. Если ты не готов меня услышать, значит, собирать вещи отправлюсь я. Мне безразлично, кто ставит эту квартиру. Но оставаться с тобой под одной крышей после подобного унижения я не собираюсь. Это, надеюсь, понятно?

— Надо же, — протянул муж, окинув меня продолжительным взглядом. — А в тебе таки проснулась твоя давно задремавшая львица.

— Свои комплименты и слова восхищения отставь, пожалуйста, при себе.

— Ну что ж, — Игорь не спеша поднялся из-за стола. — Я старался не скатываться до пошлостей вроде криков со взаимными обвинениями и битьём посуды. Думаю, нам с тобой это в целом почти удалось. Я ни в коем случае не собираюсь настаивать. Гонишь с порога — я хожу. Остынешь — поговорим.

И вот тут, наверное, я бы отдала предпочтения крикам и битью посуды. Потому что подобные фразы ранили сильнее прямых оскорблений.

— Боишься не справиться с всплесками моей горячей натуры? — сардонически хмыкнула я. — Не нужно делать мне одолжений. Я не вижу смысла откладывать какие-либо разговоры с тобой на потом. Я своего мнения не поменяю. Ты унизил меня не только тем, что затащил к себе в постель молоденькую девицу, но и тем, что посчитал это само собой разумеющимся поступком. Я не затем замуж за тебя выходила, Добровольский, чтобы отираться на вторых ролях! А воевать за тебя с наборами дорогих имплантов я не собираюсь.

— Проиграть молодости и красоте не зазорно, — бросил муж.

Моя рука дёрнулась для пощёчины, но я вовремя себя остановила. Рукоприкладство дало бы ему повод вообразить, что его удар достиг цели.

Вместо этого я посмотрела ему прямо в глаза и отдельно произнесла:

— Я напому тебе об этой фразе, когда молодого любовника себе заведу.

— На вызов меня подбиваешь? — осклабился муж.

— За что? — вырвалось из меня в приступе искреннего изумления. — Игорь, я просто не понимаю, за что ты так со мной поступаешь?

Его намеренная жестокость по мере нашего разговора только усиливалась, и я не могла понять, что я такого успела сделать ему, кроме того, что верно и преданно прожила в нем последние тридцать лет.

— Да ни за что, — поджал он плечами. — Просто я тебя разлюбил.

И увидев мой помертвевший взгляд, добавил:

— Ты же искренности хотела? Вот тебе правда. Столько лет с одним человеком — это утомительно, Даш. И все эти девочки... это моя передышка. Моё лекарство от скуки. Не беря во внимание, конечно, очевидные выгоды и расчёт. Но таким образом мы с тобой умудрились сохранить наш брак в относительном благополучии.

И до меня доходило. Тошнотворно медленно и тяжело, но доходило, что истинные масштабы трагедии до сих пор скрывались от меня за свежей раной предательства.

— Так... она не первая у тебя?

— Ох... святая простота, — усмехнулся супруг. — Если бы не болтливость нашей Вероники, ты так и жила бы в иллюзии, что наш брак держится исключительно твоими стараниями и на твоих плечах.

— Скотина, — выдохнула я и больше не сдерживала своих рефлексивных порывов.

Моя ладонь врезалась в его крутую скулу.

Кожу ожгло огнём, но я сдержала возглас боли и только поморщилась.

— Драматично, — ухмыльнулся Игорь и провёл ладонью по щеке. — Мне кажется, тебе пойдёт на пользу эта пощёчина. Ты хотя бы вспомнишь, каково это — сильные эмоции проявлять. Потому что в последнее время от тебя сложно было добиться хоть какой-нибудь реакции хоть на что-либо.

Я беззвучно всхлипнула и резко вдохнула, а после с шумом выдохнула, как перед прыжком.

— Развод. Я подаю на развод, Добровольский.

— Ты хорошо подумала? — он приподнял бровь, словно всерьёз давал мне время на то, чтобы при желании забрать слова обратно.

— Я подумала лучше, чем ты, — процедила я, лихорадочно ища способ надавить на него там, где побольнее. — Я разведусь с тобой так, что ты этот развод навеки запомнишь.

— Вот как? — усмехнулся он. — А детали к анонсу какие-нибудь прилагаются?

— Я похороню твою репутацию, Добровольский. И сделаю его максимально публично. Я вытащу наружу всё грязное бельё, какое только смогу отыскать!

— Как это по-женски, — скучающим тоном проговорил супруг. — И ответных действий ты не боишься?

— А, может, я камикадзе, — фыркнула я, слишком хорошо понимая, что эта безбашенность — продукт моего до предела нервного состояния. — Может, мне плевать, что ты предпримешь. Я просто хочу тебя утопить!

Глава 6

— Ну просто львица-тигрица, — в глазах мужа стыла издёвка.

Но я вошла в такой раж, что сейчас она меня особо не трогала. Может, когда весь этот кошмар наконец-то закончится, и я останусь одна, меня просто размажет (а наверняка именно это и случится). Но сейчас я просто сама себе должна — должна отстоять этот самый, возможно, тяжёлый бой в своей жизни.

— Смеётся тот, кто смеётся последним.

— Это ты верно подметила, — кивнул муж. — Советую тебе запомнить эту фразу.

— Не пытайся меня запугать, Добровольский.

— Боже упаси, — усмехнулся супруг. — Но я всё-таки посоветовал бы тебе, Дарья, десять раз подумать, прежде чем пускаться в какие-либо авантюры. Я согласен, ситуация некрасивая. Всё быстро сползло в какой-то хаос. Если бы не Вероника, если бы ты узнала об этом как-то по-другому, возможно, мы и могли бы расстаться друзьями.

— Друзьями? — фыркнула я. — Ты систематически мне изменяешь, а я пожелаю сохранить с тобой дружеские отношения? Ты издеваешься, Добровольский? Или считаешь себя настолько ценным подарком для любой женщины на этой грешной земле, что она ещё и за честь почтёт стать жертвой твоих многочисленных измен? Что ты о себе возомнил?

— Я — реалист, Даш. Только и всего. И я действительно умею добиваться всего, на чём сосредоточу своё внимание. И напоминаю тебе об этом лишь потому что хочу уберечь от будущих проблем и неприятностей. Лишившись моей фамилии, ты лишишься всего, к чему привыкла. А если таки решишь отомстить мне за это... лишишься в принципе всего.

По моему одревеневшему от нервного напряжения телу прошла ощутимая дрожь. За моим мужем не водилось привычки раскидываться пустыми угрозами. Он ценил своё слово и попусту никогда не болтал. Но за время нашей ссоры сейчас наговорил столько всего, что оставалось уповать лишь на его раздражение от того, что его жизнь так некстати и так внезапно усложнилась.

Добровольский ведь привык всё контролировать, всё знать и всё держать на карандаше. А тут на тебе... неожиданное разоблачение.

Разоблачение, которое, конечно, не выбило почву у него из-под ног, но вынуждало лавировать и на ходу подстраиваться под обстоятельства. О-о-о, вот этого мой супруг не любил. Он привык прогибать мир под себя, но никак не иначе.

Наверное, только этот эффект неожиданности и мог считаться сейчас тем слабым, утешительным плюсом, который я получала от ситуации. А всё остальное... об этом сейчас лучше даже не думать.

— Всего я никогда не лишусь, — я приготовилась к финалу нашей дуэли. — Да, ты прав. Если захочешь, ты можешь забрать у меня всё. Да что уж там, при желании ты можешь и жизнь у меня отобрать. У тебя вон целая армия головорезов, которых ты охраной своей называешь. Знаю я, через какие горячие точки отдельные личности проходили. Но твои угрозы меня не пугают. У меня останутся мои дети. Те, кто мне действительно предан и кто не предаст свою мать только лишь потому, что их отец живёт полной жизнью и плюёт на семью!

Не скрою, я ожидала, что Игорь скроит пренебрежительную мину, однако на рожон не полезет. Но как же много ещё во мне оставалось наивности...

— Надо же, какие у тебя интересные представления о том, как у нас всё сложилось в семье, — протянул муж. — Ну раз о детях зашёл разговор, давай поставим точку и в этом вопросе.

— Что это значит?... — похолодела я, всматриваясь в его ледяные глаза.

— Сейчас ты поймёшь, — с лёгкой улыбкой отозвался супруг.

Он не спеша, почти небрежно вытащил из кармана свой телефон, приложил его к уху:

— Ника, зайдите с братом в столовую. Вы нам нужны.

— К чему это? — новая волна нервозности окатила меня с головы до пят. — К чему эта демонстративность?

— Даша, мы с тобой завершаем наш разговор на очень важной ноте, — пояснил супруг. — Думаю, после него мы с тобой если и будем беседовать, то лишь в присутствии адвокатов. И сейчас у нас есть шанс закрыть все самые важные вопросы между нами. Я же вижу, как ты сейчас рвёшься из этого брака. И поверь мне, я тебя не держу. Но вот с детьми ситуация действительно требует прояснения. Они у нас, как и имущество, общие.

Меня передёрнуло от такого сравнения, но я промолчала. Не было толку срываться на такие формулировки, потому что они вворачивались в его речь намеренно, чтобы вогнать в меня очередной ядовитый крючок.

Вероника с Павлом вернулись в столовую с таким настороженным видом, какой сейчас почти наверняка читался и на моём лице.

— Итак, дети, есть очень важный вопрос, который нам с матерью придётся решить прямо сейчас. Ваша мать в ближайшее время почти наверняка подаст на развод. Скандалами мне угрожает и прочая. Вы должны понимать, если дело докатится до суда, вас, вполне возможно, могу привлечь в качестве свидетелей по нашему непростому и скандальному делу. Так вот, давайте на берегу проясним, на чьей стороне вы в таком случае будете.

Первые несколько секунд дочь с сыном стояли, словно громом поражённые — слишком уж много информации свалилось на них. Первым пришёл в себя сын.

— Па... вы чего чудите-то? Какой развод? Какой суд?

Дочь лишь переводила круглые глаза с меня на отца, наверняка, понимая, что стала триггером всей этой непростой ситуации.

— Вопрос задал я, — надавил Игорь. — И я требую вашего честного ответа. Прямо сейчас.

Глава 7

— А твоя супруга не ворвётся сейчас и не вцепится мне в волосы? — протянула Маргарита, цепляясь за его локоть.

— Ты же знаешь, что она не приглашена. Предлагаю о ней вообще не упоминать. Вы с Дарьей не встретитесь и общаться не будете. Я хочу, чтобы ты это себе уяснила.

— Ну зачем сразу колючки выпускать? — насупилась Маргарита. — Если я тебя моложе, то это ещё не значит, что непроходимая дурочка.

— Я этого и не говорил. Просто тебе, Маргарита, пока жизненного опыта не хватает. Зато хватает самоуверенности, порой даже с избытком. Иногда это создаёт не очень желательный перевес.

— Игорь, для того, чтобы отчитывать, у меня отец есть, — помнила она без церемоний. — Мне вот только ещё в постели папочки не хватало.

— А ты умеешь слова подбирать.

Маргарита наморщила свой идеальный носик.

— Предпочитаю не баловаться намёками. Все свои. К чему эти игры?

К чему? К тому, например, что мир финансовой элиты жил по собственным законам, и те, кто не принимал правил игры, оставались за бортом, не у дел. И с этим приходилось считаться.

Но ситуация оказывается куда терпимее, когда в доверок к чувству постоянного напряжения идёт необходимость завязывать приятные знакомства. Знакомства, которые могут перерасти в нечто большее.

С Маргаритой сложилась похожая ситуация — её отец Виктор Ключев относительно недавно проявил интерес к инвестиционным проектам Добровольского и буквально сам толкнул свою дочку к нему в объятия. Та нисколько не сопротивлялась.

Игорь же... Он помнил тот вечер, когда они познакомились. Со своей прежней любовью он успел расстаться с месяц назад и в целом был доволен тем, что какое-то время не приходилось ни в чём напрягаться, чтобы сочинять какие-то отговорки для жены. Он даже стал привыкать к такому положению вещей и уже думал, что со связями на стороне покончено.

Но Маргарита умела производить впечатление, и он не устоял.

Кто же мог знать, что эта его связь станет той самой, которая вытянет наружу и все предыдущие.

Но разгоревшийся в итоге скандал Игорь воспринял как неизбежное зло. Он чувствовал, что рано или поздно правда выйдет наружу, и сейчас, вглядываясь в наполненные слезами глаза жены, понимал, каким это было на самом деле освобождением. Больше не нужно лгать, недоговаривать и притворяться, чтобы сохранять то, что уже отжило своё. Только теперь он понимал это достаточно чётко, чтобы принять решение наконец-то завязать с опостылевшим браком.

Оставалось в целом всего ничего — поставить точку в вопросе с детьми, чтобы больше не отвлекаться на семейные склоки. Дальше делом займутся уже его адвокаты.

Ах да, угрозы Дарьи... глупости это, конечно. Из жалости он позволит ей какое-то время думать, что она действительно может как-то повлиять на ситуацию и тягаться с ним силами во время развода. Но рано или поздно все эти глупости придётся прекратить. Ему просто некогда будет отвлекаться на неприятности, которые ему готовит жена.

Как и на недоумение собственных отпрысков.

— Па... вы чего чудите-то? Какой развод? Какой суд?

Вероника с Павлом были, конечно, ошарашены такими новостями, которые для них наверняка взяли словно бы из ниоткуда. Но ничего не рождается из ничего. Их с Дарьей

расставание, в конце концов, было вопросов времени. У них давно ничего общего не осталось, кроме детей.

— Вопрос задал я, — надавил Игорь. — И я требую вашего честного ответа. Прямо сейчас.

Он видел, как напряглась жена, всматриваясь в лица детей.

А там было на что посмотреть. Они совершенно не ожидали такого нажима. Предполагали, что сохранят за собой роль наблюдателей, которые отсидятся в стороне? Не выйдет. Всё-таки они тоже семья, и этот развод касается всех.

— Мы предпочли бы не выбирать сторону, — сын пытался сопротивляться, причём за двоих.

Вероника, кажется, была слишком поражена такой резкой сменой событий и сейчас тарасилась в пол явно, пытаясь собрать мысли в кучу.

— Я не спрашивал вас о ваших предпочтениях. Я должен понимать, к чему мне готовиться. Ваша мать из одной ей понятного чувства благородства решила пролить свет на то, чем собирается заняться во время этой и без того неприятной процедуры. И мне нужно понять, какие меры придётся предпринять, чтобы всё не закончилось слишком уж трагично.

Дочь даже вздрогнула на его последних словах. Ну да, наверняка, как и мать, подумала что-нибудь совсем уж за гранью. Вот так, оказываеся, иметь репутацию одного из самых жёстких игроков на рынке — тебя готовы демонизировать твои же домашние.

Это ли не лишний повод развязать семейные узы и отправиться в разные стороны, чтобы не копить обиды и зло?

— Если вопрос стоит ребром, — неожиданно подала голос дочь. — То мне... я не хочу никаких лишних трагедий. И судов. И скандалов не хочу.

— И что это значит? — не выдержала Дарья.

Кажется, она не хуже его понимала, к чему ведёт Вероника.

— Мам, мы не станем свидетельствовать против отца. Если уж на то пошло, то мы в вероятных будущих скандалах ни одну сторону не поддержим. Это просто бесчеловечно — пытаться заставить нас выбирать.

— То есть... — в глазах жены разверзлась целая бездна отчаяния. — В-вы хотите сказать, что меня вы в этой борьбе не поддержите?..

— Мы не поддержим никого, ма, — настоял на своём Павел. — Но... мы с Вероникой работаем на отца. Это же ты понимаешь?

Глава 8

— Мы с Вероникой рубаем на отца. Это же ты понимаешь?

Наверное, как ни произнеси эти слова, они всё равно звучали бы жестоковато.

Вот и тут ни откровенно извиняющийся тон, ни виноватый, едва ли не раскаивающийся вид Павла не сыграли ровным счётом никакой роли.

Дарья застыла после этих слов как соляной столб, а на её лице двигались только блестящие от непролитых слёз глаза.

Она переводила взгляд с сына на дочь, видимо, ожидая, что дочь внесёт хоть какую-нибудь, сколь угодно скромную лепту. То ли из отчаяния хотела услышать подтверждение от неё, то ли до последнего надеялась, что ситуация не настолько паршива, какой ей представлялась.

Вероника бросила на мать опасливый взгляд и, встретившись с ней глазами, трусливо кивнула, так и не решившись озвучить своё решение.

Выходит, деньги его детишки любили больше, чем мать...

Эта неожиданная и довольно странная, но предельно честная мысль ввела его в замешательство — несвойственное Добровольскому состояние от слова совсем.

Для него жизнь давным-давно была понятна и лишена каких-либо тайн. Не было в ней прежнего очарования чего-то неизведанного, которого одновременно манило и пугало. Нет, он давно определился с тем, кто он, кто с ним и чего он хочет от жизни.

Он потому и сегодня вёл себя так — у него не было времени на сомнения, нерешительность, метания и шатания из стороны в сторону. Хотел бы сказать, что и на жалость тоже, но... но это не так.

Игорь следил за сменой эмоций на лице жены. Только незнакомые с ней люди могли бы не заметить за этим ледяным фасадом вообще ничего. Но он прожил бок о бок с ней достаточно, чтобы различать такие нюансы.

Дарья боролась. Из последних сил боролась со слезами и отчаянием. С унижением и нежеланием признавать реальность такой, какой она ей представлялась.

И всё-таки, наверное, лучше сейчас, чем потом. Так она хотя бы будет знать, чего ей ожидать, если она решит сделать неправильный выбор.

— Понимаю, — спустя целую вечность выдохнула она.

Игорь готов был поклясться, что всю эту долгую паузу она боролась со слезами и боялась что-либо вслух произносить, чтобы не выдать своего истинного состояния.

И у неё получилось.

Всё-таки сколько бы он ни иронизировал и ни пытался заставить её прогнуться под его авторитет, Дарья была женщиной со стальным стержнем. С такими всегда нелегко и от таких всегда нелегко отвязаться.

— Я могу понять вашего отца, — проговорила она неестественно ровным голосом. — Я ненавижу его за то, через что он заставляет меня проходить, но я его тем не менее понимаю. О своём бизнесе он печётся куда больше, чем о семье. Так было всегда, просто сейчас его приоритеты окончательно сместились в сторону деловой стороны жизни. Даже все эти девочки-мотыльки... все они по ту сторону личного. Он их тащит в постель из-за выгоды. Ты меня, Игорь, поправь, если я что-то неправильно поняла.

И она перевела на него взгляд — мёртвый, остановившийся.

Добровольский лишь выгнул бровь, мол, он не собирается ни опровергать это, ни подтверждать, но под своей крепко сидевшей маской непоколебимой уверенности в себе восхитился тем, как она доигрывала свою партию. Через не могу, через боль, через рвавшиеся наружу слёзы.

— Молчание — верный знак, — заключила жена, так и не дождавшись ответа. — Так вот, поступки и решения вашего отца мне совершенно понятны. Но что касается вас...

Павел и Вероника потупились, будто провинившиеся подростки. В глаза матери они смотреть не могли. Ну хоть какой-то намёк на то, что совесть у них ещё окончательно не отмерла.

— Я возложу эту вину на себя, — сказала Дарья с мрачной торжественностью. — Почему-то думала, что воспитывала вас по-другому. Оказалось, всё совершенно не так. Оказалось, что у вас совершенно иные приоритеты. Что ж... вы взрослые люди. Это ваш осознанный выбор.

— Мам...

— Не нужно, — оборвала она попытку Вероники хоть что-нибудь отыграть в этой партии.

Он слышал панику в голосе дочери. Сейчас трещала по швам и рвалась самая крепкая связь — связь матери с её детьми.

— Ничто не сможет смягчить или скрасить ваше решение. Никакие оправдания и объяснения. Если вы считаете по-другому, то мы с вами действительно живём в совершенно разных системах координат. Мне очень больно это осознавать, но такова действительность. И я её принимаю.

Чёрт, он не рассчитывал, что всё зайдёт так далеко. А ещё он считал, что дети отыщут какую-то середину, не взвалят неприглядную правду на материнские плечи с такой незамутнённой.

— Мам, но нам же нужно на что-то жить, — не сдавался Павел. — И жильё на что-то оплачивать, и остальные расходы. И... и это всё же отец!

Нет, сыну ещё далеко до мастера ведения переговоров.

— Рад, что мы этот вопрос прояснили и, полагаю, закрыли, — отозвался он будничным тоном.

Пора сворачивать разговор. Ему самому, если бы он осмелился себе в этом признаться, становилось тяжело за раз переварить столько эмоций. Ощущение разболтанности и гудящая от мыслей о пережитом голова ему уже обеспечены.

Дарья отвернулась и отшагнула к окну — то ли не могла больше смотреть на детей, то ли хотела спрятать подступившие слёзы.

— Надеюсь, больше нам не придётся к этому возвращаться, — заключил он и обвёл взглядом столовую. — Полагаю, нам пора на выход. Не думаю, что вашей матери сейчас приятно видеть хоть кого-то из нас.

Дарья на это ничего не сказала, никак не отреагировала.

Поэтому Игорь подбородком указал детям на дверь и пошагал следом за ними. На пороге всё-таки обернулся, повинувшись не очень приятному тянущему чувству под рёбрами.

— Тебе... может, тебе не стоит сейчас одной оставаться?

Он заметил, как мгновенно окаменели её плечи. При этом она даже не подумала обернуться для ответа.

— Убирайся отсюда. И заботу свою с собой забирай. Мне она не нужна. Вон отсюда, Добровольский!

Глава 9

— Так отчаянно хочешь почувствовать себя хозяйкой положения? Или мечтаешь хоть чуточку отыграться?

Смотрю на его хищный оскал и мечтаю на самом деле лишь об одном — как следует врезать по этой самодовольной роже. Стереть с неё эту непререкаемую уверенность в себе, в своей святой неприкосновенности.

Боже, мы ведь сами в этом виноваты. Я в этом виновата! В том, что Добровольский чувствовал себя императором на троне. Мы сами для него его воздвигли и, приняв под белы ручки, на него усадили.

Добытчик, кормилец, благодетель.

В рот ему заглядывали. Как и все, кто его окружал. А он всегда принимал это как должное. Как нечто, что причитается ему едва ли не по праву рождения. Так стоит ли удивляться, что теперь всё это наше подбострастие и раболепие выходило нам боком?

— Я хочу съездить тебе по морде и желательно выбить пару зубов, — ответила я, даже не подумав скрывать свои истинные мысли. — Может же человек помечтать?

Вместо того, чтобы выплюнуть мне в лицо какое-нибудь новое оскорбление, муж неожиданно шагнул ко мне и, пользуясь моим замешательством, подцепил указательным пальцем мой подбородок.

— Ох, Дарья, ты меня искушаешь.

Он... намекает на то, что ударил бы в ответ? От шока меня на пару секунд парализовало, до того жуткой показалась догадка.

Но она оказалась неверной и оттого ещё более шокирующей.

— Что же ты все эти годы скрывала от меня свою тягу к жестокости?.. Признаюсь, меня это даже заводит.

И жёсткую линию его губ тронула лёгкая усмешка.

Это вывело меня из кратковременного ступора. Оттолкнув его руку, я попятилась и зашипела:

— Пошёл вон! Вон! Вон! Пошёл вон, чёртов извращенец!

— Хах! — Добровольский выпрямился и пожал плечами. — Не припомню, чтобы ты когда-нибудь жаловалась на мои извращения. В постели ты всё чаще стонала, чем шипела. Успела забыть?

И не дожидаясь, пока я отвечу, развернулся и пошагал к выходу.

Меня колотило от смеси гнева и отвращения. Мысли путались, и хотелось просто рвать и метать, притом в прямом смысле этого слова. Наверное, даже битьё посуды сейчас показалось бы мне пустой полумерой. Нет, я бы ему об голову развалила парочку стульев, прежде чем хоть чуточку успокоиться.

Но, к сожалению, не могла сейчас позволить себе роскоши разъяриться и разнести пол-квартиры. Тем более что это пока ещё моя квартира.

Я слышала голоса в прихожей, но сейчас воспринимала их как отдалённый гул. Кровь шумела в ушах, и какое-то время я не могла ни на чём сосредоточиться. Но спустя целую вечность входная дверь хлопнула, а в двери столовой сунул нос Павел.

— Мам...

Если бы я не была так разъярена, унижена и разбита, наверное, усмехнулась бы. Сын сейчас походил на набедокурившего школьника.

— Позови сестру, — выговорила я сквозь сцепленные зубы.

Он даже не подумал переспрашивать. Исчез, и пока с собиралась с силами для финального объяснения, вернулся уже с семенившей следом Вероникой.

— Удивлена, что вы не отбыли вместе с отцом, — я выпрямилась и ухватила рукой за спинку стоявшего рядом стула.

Земля под моими ногами плыла, и ощущение было такое, что я вот-вот грохнусь в обморок. Обидно будет. Получается, не выстояла всего несколько последних минут.

— Да как мы могли? — искренне удивился Павел. — Мы же... ну, мы как-то путём и не объяснились. Мам, мы с Вероникой понимаем, как всё это прозвучало...

— Правда? — у меня хватило сил усмехнуться. — Вы действительно так считаете? Вы уверены, что понимаете, каково это, когда твои родные дети тебя предают? Вам когда-нибудь наживо вскрывали грудную клетку и вытаскивали оттуда ваше и без того кровоточащее сердце? Нет? Ну так, значит, ничего вы не понимаете.

Дети стояли передо мной, пришибленные моим омертвевшим, обесцвеченным голосом.

— А ведь я ещё колебалась. Думала, это слишком жестоко — просить от вас сторону выбрать. А на самом деле оказалось, что всё проще простого. Вы давно всё решили. Ну или отец решил всё за вас. Разницы особой не вижу.

— Мам! — в отчаянии воскликнул сын. — Ну ты же понимаешь, что без поддержки отца у нас с Никой нет никаких перспектив!

— Чушь собачья! — крикнула я. — Так ты всего лишь оправдываешь своё нежелание делать что-то самостоятельно! Вы привыкли сидеть на папочкиных деньгах. Вы, оба! Настолько привыкли, что ради сохранения своих тёплых местечек отвернётесь от матери. Что ж... ваш выбор. Вам за него и ответственность в итоге нести.

Дети таращились на меня, явно ожидая какой-то конкретики. Они действительно привыкли, что всё решалось за них.

— Больше вас не держу, — добавила я. — Семейный обед официально окончен. Или я вам десерт задолжала?

— Идём, — шепнула Вероника брату и потянула его за локоть.

Сын ещё порывался что-то сказать, но слова не шли на язык. Так и не сумев подобрать нужные, он пробормотал какие-то дежурные сожаления, которые тут же вылетели у меня из головы, и поддался уговорам сестры.

Спустя несколько минут возни в прихожей дверь за ними закрылась, и я наконец осталась одна.

Одна наедине с ужасами пережитого. Скандал наконец-то закончился, но битва продолжалась у меня в голове.

Чувствуя, как слабеет тело, я поспешила опуститься на стул, за спинку которого всё это время держалась.

И стоило мне на него опуститься, как меня тут же сложило пополам, и из груди вместе с воздухом вытолкнулись первые уродливые рыдания.

Глава 10

— Да, — хрипло выдохнула я в телефонную трубку.

— Даш?.. — с опаской прозвучал в трубке голос коллеги. — С тобой всё в порядке?

Я приняла сидячее положение и отёрла лицо. Кожу немилосердно стянуло от частично высохших слёз.

— Да. Да, Марин, всё в порядке. Что-то в приюте случилось?

— А? А, нет. Нет, ничего не случилось. Я просто решила тебе позвонить, чтобы порадовать.

Мне вдруг стало невероятно смешно. Не потому что подруга действительно сказала что-то смешное, а от одного безумного предположения, что сейчас, после всего произошедшего, хоть что-то в этом жестоком мире могло меня порадовать. Потому что нет, не могло.

— Чем?

— Да вот... к вечеру нам на счёт от какого-то анонимного благодетеля такая сумма упала... что я просто руками развела. Надеюсь, это никто номером карты и суммой перевода не ошибся. Впечатление, знаешь, такое, что у кого-то палец на кнопке «0» застрял.

У меня не было сил похихикать над шуткой подруги.

— Надо же, — заставила я себя отреагировать. — Это же... это замечательно. Но только в том случае, если не ошибка, конечно.

Слова сейчас полегче шли на язык, и я обрадовалась, что почти не приходилось хватать ртом воздух. Я столько рыдала, что на какое-то время ни вдохнуть, ни выдохнуть нормально не могла.

Сейчас я сидела на жёстком диванчике у не зашторенного окна и слепым взглядом блуждала по окунувшемуся в сиреневые сумерки городу.

Моя жизнь сегодня закончилась. А Марина сейчас напоминала, чтобы я с выводами не спешила.

Возможно, она закончилась для меня как для жены и даже в чём-то как для матери, но в том, что касалось приюта... Как бы ни было мне больно, страшно и тяжело, я не могла бросить приют. Нашим питомцам больше не на кого рассчитывать. Скольких из них мы буквально с того света вытаскивали. Сколькие из них благодаря нам обрели собственный дом и любящую семью.

Я вовремя напомнила себе обо всём этом и снова, уже куда увереннее, отёрла щёки пока ещё подрагивавшей от пережитого ладонью.

— Ты... поручи кому-нибудь следить за корреспонденцией. Вдруг и правда ошиблись.

— Да, конечно. Но, господи-бое. Я надеюсь, что нет!

И Марина похихикала, чуточку согрел мне сердце своим неизменно хорошим настроением. У неё, кстати, в жизни тоже всё было далеко от идеала, но она никогда не позволяла себе унывать.

— Держи руку на пульсе.

— Ага. Ты... завтра приедешь?

Я закусила губу, не позволяя себе спешить с ответом. Но если завтра я останусь наедине с собой и собственными мыслями, я просто чокнусь.

— Обязательно. Наверное, с утра.

— Отлично! — обрадовалась Марина. — Кстати, завтра обещали прислать черновой материал по тому репортажу, который у нас снимали. Как раз оценим и при необходимости правки внесём.

— Договорились, — согласилась я, с благодарностью ухватившись за эту уважительную причину действительно не запираться со своей скорбью наедине.

Но испугалась, что переоценила себя, когда наутро разлепила свинцовые веки.

Никогда ещё в жизни я не испытывала такого отчаяния от необходимости встречать новый день...

Отключив будильник, откинула одеяло и какое-то время просто лежала пластом, таращась в безразличный к моим страданиям потолок.

Всё вокруг ощущалось зыбким и нереальным. Мёртвая тишина большой опустевшей квартиры сводила с ума.

Воспоминания вчерашнего дня наползали на меня угрожающей тенью, хватали за обнажённые нервы и скручивали всё внутри меня в тугие узлы.

Но вот так и куются алмазы, верно ведь? Под невероятным, нечеловеческим напряжением. Если сумеешь выжить сейчас, станешь сильнее... Может, даже разработаешь какой-никакой антидот...

Я оторвала гудящую голову от подушки и, шатаясь, пошлёпала в душ. А уже спустя пару часов, как броню надев на себя строгое серое платье, входила в офис нашего приюта.

Я была уверена, что никто вокруг ничего не заметит. Что для всех я буду выглядеть так, как обычно. Но войдя в кабинет к Марине, осознала ошибку.

Взглянув на меня, она, кажется, и сама побледнела.

— Батюшки... — пробормотала. — А ну-ка,ходи! Входи и закрой за собой дверь.

Глава 11

— Марин, прошу тебя. Не смотри на меня так.

При одном только взгляде на подругу у меня начинала разыгрываться паранойя. Я-то была уверена, что со стороны никому ничего не понятно, а теперь засомневалась, а не потому ли таксист с таким подозрением косился на меня в зеркало заднего вида...

Может, гадал всю поездку, по указанному адресу меня везти или в скорую...

— Извини, но не получится, — подруга выскочила из-за стола, подхватила один из стоявший в ряд у стены стульев и приставила к своему рабочему столу.

— Вот, садись.

— Да не носись ты со мной так, пожалуйста. Я же не инвалид.

— Да у тебя глаза инвалида! — воскликнула подруга и тут же потупилась. — Извини, ты понимаешь, о чём я.

Смутно, но я догадывалась о чём она говорила.

Плохо, что на дворе зима, а не лето. Солнечные очки спасли бы моё положение. Правда, с тем, что творилось внутри, они бы, конечно, не совладали.

— Вот я же чувала. Сердцем своим чувала, что-то стряслось. У тебя голос был какой-то... ну, деревянный, понимаешь? Я будто не с живым человеком говорила вчера.

— Не драматизируй так сильно, пожалуйста.

— А ты, пожалуйста, расскажи, что стряслось.

Знать бы, с чего начать.

Но пока Марина хлопотала, готовя для нас чай, и мне не приходилось встречаться с ней взглядом, чтобы видеть в нём отражения собственного горя, я кое-как умудрилась в общих чертах описать ей всё, что случилось.

И этого вполне хватило, чтобы впечатлить её до такой степени, что когда включенный чайник наконец закипел, она даже ухом не повела.

— Даша...

— Я знаю, — кивнув, я относительно небрежным жестом смахнула со щеки слезинку. — Я только прошу тебя никому, вот вообще никому об этом не говорить.

— Да тьфу на тебя! — возмутилась подруга. — Даш, ну за кого ты меня принимаешь? А вообще я сама в таком шоке, что просто... мне нужно какое-то время, чтобы переварить.

Мы помолчали, и она спохватилась:

— Так зачем же ты тогда вышла сегодня? Господи, Даш, да тебе надо...

— Что? — перебила я её с неожиданной силой. — Забаррикадироваться в квартире и никого к себе не подпускать, пока не отболит? А если никогда не отболит? Такое... такое сложно пережить, не оставшись в душе полным калекой. Я просто пока стараюсь всё это гнать от себя. Поэтому я не могла бы дома остаться. Я бы сдурела.

Марина закивала.

— Да. Да. Теперь понимаю. Ну прости дуру. Я совсем растерялась. Господи, про чай забыла совсем.

Она метнулась к чайнику и плеснула кипятком в кружки с заваркой.

— Даш, я могу тебе чем-то помочь. Кроме, конечно, того, чтобы работой тебя загрузить. Я печально усмехнулась и медленно покачала головой.

— Вряд ли. Тут только ждать и надеяться, что как-то затянется.

Подруга бросила на меня нервный взгляд

— Слушай, тогда... может, ты бы не стала одна оставаться? Может, ко мне бы хоть на время перебралась?

— Боишься, что я могу руки на себя наложить? — предположила я мрачно. — Врать не буду, на самом дне такие мысли мелькали. Но я, Марин, слишком для такого трусиха. А ещё у меня всё внутри полыхает от гнева.

— Мстить собралась? — охнула подруга.

Как заманчиво звучало такое предположение. Но мстить Добровольскому — всё равно что грозить кулаком богам Олимпа. Мои попытки ослабить его наткнутся на оперативное противодействие. Кому как не мне было знать, на что способны его вышколенные юристы.

— Добровольскому? — хмыкнула я. — Всё, на что я сподобилась, это угрозы. Которые, сама понимаешь, ни к чему не привели. Он надо мной посмеялся.

— Вот же сволочь! — вспыхнула подруга.

— Да нет, он тот же Добровольский, которого я знала. Просто сейчас образ дополнился, — я шмыгнула носом, опасаясь, что слёзы застанут врасплох. И, наверное, для меня это даже плюс. По крайней мере, я знаю, чего от него ожидать.

— Ну ладно, если не месть, то что тогда делать? — подруга поставила кружки на стол и машинально придвинула ко мне конфетницу. — Всё как есть оставишь?

— Как есть, уже не будет, Марин, — я обхватила ладонями чашку и тут же их убрала.

Горячо. До невыносимости.

Прямо как у меня на душе.

— Не будет. Я возвращать ничего не стремлюсь. Я буду строить новую жизнь. Свою. Новых предателей в неё не пущу.

Глава 12

— Ох, Дашенька...

Подруга смотрела на меня едва ли не с жалостью.

Но вот эту жалость я не стала бы отвергать. Я знала, что у неё за меня сердце болит. Марина искренне за меня переживала и никогда не стала бы оскорблять пренебрежением к тому, что я переживала.

— Не смотри на меня так, — попросила я мягко. — Правда. Я чувствую себя не так плохо, как выгляжу.

— Тебе незачем передо мной храбриться, — покачала она головой. — И дело не в твоём внешнем виде. Если хочешь знать, в том и беда, что выглядишь ты сногшибательно. Меня глаза твои напугали. Мёртвые они у тебя сейчас, Даш, понимаешь? Мёртвые. Неживые.

— Очень драматично звучит.

— Правдиво звучит. Говорю, как есть.

— Ладно, правдорубка моя, — я отпила из своей кружки, заставив себя поверить в то, что это поможет. — Давай хоть ненадолго отвлечёмся от моей семейной трагедии. Чтобы я совсем с ума не сошла. Скажи мне лучше, что это за сумма такая. И от кого она.

Подруга ответила мне долгим скептическим взглядом, словно бы говорившим: *«Серьёзно? Будем дела обсуждать?»*

Я уставилась на неё в ответ, пока она не сдалась.

— Ладно. Как хочешь. В конце концов кто я такая, чтобы условия тебе диктовать? Всего лишь лучшая подруга, у которой от таких новостей тоже сердце разбилось.

— Отличный ход, манипуляторша. Но это не сработает. Рассказывай.

Марина сдалась и повернулась к монитору компьютера, поклацала мышкой и наконец пожала плечами.

— Нет. Информации о благодетеле как не было, так и нет. Взнос анонимный. Я уже жалею, что такая функция существует. Любопытство так и разбирает.

— Хм... — я сделала ещё один глоток и будто бы действительно почувствовала себя бодрее.

— Может, ещё объявится... — с надеждой предположила Марина. — Даже сопроводительного сообщения никакого не оставили. Ну вот просто тайна-загадка.

— Ну, сделать с этой тайной мы пока ничего не можем, — резонно заметила я. — Можем только от всей души поблагодарить этого незнакомца и надеяться, что он понимает, насколько это для нас щедрый подарок. Что нам ещё остаётся?

Марина развела руками.

— Обидно.

— Мы можем этого анонима в нашей социальной рекламе как-нибудь упомянуть, — предложила я. — Поставить в пример, как-то отметить такой финансовый подвиг.

— Слушай, — Марина взглянула на меня с тревогой. — А при таком-то афишировании нами органы не заинтересуются? Скажут, кто это вам так щедро отсыпал? Вы тут денежки не оmyваете через свой приют?

— Марин, ну у тебя и воображение, — усмехнулась я.

— Ты не смейся. В жизни чего только не бывает.

— Это уж точно, — шепнула я и снова нырнула носом в кружку.

Помолчали.

— Ладно. Чёрт с ним. Спасибо тебе, таинственный незнакомец. Ну, или незнакомка. Мы на такие деньги целый год, не зная бед, проживём.

— Или расширим приют, — предложила я.

— Вот я так и знала! — Марина ткнула в меня пальцем и рассмеялась.

К ней возвращалось хорошее настроение. Видит бог, мне это сейчас было нужно как никогда. Марина всегда меня подзаряжала своей энергией, своим оптимизмом она помогала мне переживать самые трудные времена.

— Это всего лишь теория. Ни на чём не настаиваю, — я скривила губы в ответной улыбке.

— Да ладно тебе! Я, между прочим...

Стук в дверь оборвал её на середине фразы.

— Открыто!

В дверях появилась голова Ирины, одной из наших штатных помощниц:

— Марина Евгеньевна, Дарья Сергеевна, доброе утро. Там... в главной зале посетительница. Из состоятельных. Говорит, хотела питомца себе присмотреть.

— Пусть присматривает, — дала своё согласие Марина. — А ты сама боишься с ней контактировать?

— Да нет, не в этом дело, — мотнула головой Ира. — Она просто... попросила, чтобы к ней кто-нибудь из руководства вышел. Говорит, хотела бы пообщаться.

— О-о-о-о... — осенило Марину. — А вот, кажется, и наша благотельница нарисовалась. Как быстро раскрылась великая тайна!

Но когда мы вместе с Мариной вышли в главную залу, оказалось, что визит нам нанесла вовсе не благотельница...

Глава 13

— ...даже не знаю, — донёсся до меня обрывок фразы, произнесённой мелодичным женским голосом. — Хотелось бы породистую.

— Есть и породистые, — успела ответить Наташа, сопровождавшая посетительницу. — Мы вам всех покажем, и вы сможете выбрать.

Мы с Мариной успели переглянуться, прежде чем вышли из-за угла в залу, смежную с той, где содержались наши питомцы.

Обладательница мелодичного голоса обернулась. Высокая, стройная, очень красивая. Молоденькая, по возрасту примерно ровесница Вероники.

Но элегантный брючный костюм, идеальная укладка, аксессуары и макияж просто кричали о больших деньгах. Мне это несложно было на глаз определить после столько лет совместной жизни с бизнесменом. В конце концов я не один светский раут с Игорем посетила.

— Добрый день, — поздоровались мы.

Стоявшая в пол-оборота к нам посетительница обернулась.

— Добрый день, — на её губах заиграла лёгкая улыбка, но я бы не назвала её открытой и уж тем более дружелюбной.

Хм...

— Нам сообщили, что вы хотели увидеться с руководством, — взяла на себя инициативу Марина.

Ей не терпелось подтвердить свою теорию о щедром спонсоре-анониме.

— Всё верно, — кивнула обладательница идеальной укладки. — Я хотела увидеться с Дарьей Вороновой.

Мои брови сами собой подпрыгнули вверх. Я эту девушку точно не знала. На лица у меня память хорошая, тем более когда речь о таких красивых лицах.

— Неожиданно, — я улыбнулась в ответ. — Это я. Вы... наедине хотели со мной пообщаться?

От меня ведь не укрылось, что она конкретизировала запрос. Не просто увидеться с руководством, а пообщаться конкретно со мной.

— Пожалуй, — кивнула она.

— Давайте я вас к нашим питомцам проведу, — я сделала приглашающий жест в сторону смежного помещения. — Там сможем и пообщаться.

— Отлично, — посетительница подождала, пока я с ней поравняюсь, и мы, покинув остальных, вошли в комнату с просторными вольерами и зоной для прогулки.

— Вряд ли ошибусь, если скажу, что мы с вами точно незнакомы, — я повернулась к гостье, пока она закрывала за собой дверь.

— Не ошибётесь, — подтвердила она и повернулась ко мне, сделала пару шагов от закрытой двери, огляделась. — Я потому сюда и приехала. Чтобы с вами хоть чуточку познакомиться.

Мне не пришлось долго гадать, чем я обязана.

— Извините, забыла представиться. Меня зовут Маргарита. Маргарита Клюева.

Я услышала сказанное, но смысл дошёл не сразу. Осознание опускалось на меня постепенно, но успело погасить рефлекторный порыв сообщить посетительнице, что её имя и фамилия мне смутно знакомы.

— Клюева... Маргарита.

На пухлые губы выползла улыбка.

— Вижу, вы поняли, кто я такая. Не удивляйтесь, что я тоже кое-что знаю. Игорь мне рассказал, что вчера у вас был непростой разговор.

Мир у меня перед глазами основательно пошатнулся. Первым — безусловно трусливым — порывом было кинуться прочь из помещения, просто сбежать, чтобы не иметь дела с тем, что выглядело как продолжение самого моего страшного кошмара.

Но я осталась стоять. И лишь руки конвульсивно сжались в кулаки.

— Прежде чем продолжить наше общение, — выговорила я с фальшивым спокойствием, — мне хотелось бы уточнить. Вы приехали сюда не за питомцем?

Хотя сейчас я всерьёз сомневалась, что отдала бы ей хоть кого-нибудь из наших малышей.

— Наверное, всё будет зависеть от того, приглянется ли мне хоть кто-нибудь, — пожала плечами Маргарита Ключева. — Но не буду скрывать, в первую очередь я приехала к вам.

— Зачем?

— Мне захотелось увидеться с вами. Увидеться и пообщаться.

— Ещё раз. Зачем?

Наверное, если бы это было в моих физических силах, я бы вся иголками пошла. Или шипами. Мне хотелось ощериться и зашипеть, как кому-нибудь из наших питомцев. Я чувствовала исходящую от Ключевой скрытую агрессию. Она умело её прятала под слоями вежливости, но на самом деле подобное скрыть невозможно. Намерение, оно чувствуется, сколько его ни маскируй.

— А вы жёсткий переговорщик, — усмехнулась красавица. — Но это не страшно. Мне и не такие, Дарья Сергеевна, попадались. Кстати, я могу вас звать просто Дарьей или продолжим этот официоз?

Глава 14

— Предлагаете отбросить официоз? — внутри меня всё напряжилось, но виду я не подала. — Вы хотите стать мне ближе или подружиться?

— Хочу, чтобы вы не испытывали неловкости от разницы в возрасте, — мастерски парировала посетительница.

О, она была хороша. Она была хороша не только во всём, что касалось её эффектной внешности. Теперь я понимала, что передо мной не заурядность в красивой обёртке.

Совершенно неудивительно, что она Добровольского так зацепила. Он любил вызовы, он любил покорять, он любил преодолевать сопротивление.

Не знаю, как было всё между ними и долго ли сопротивлялась эта длинноногая крепость, прежде чем эффектно пасть к ногам покорителя, но я уверена, момент победы стоил того.

На языке от этих мыслей появилась ощутимая горечь, но я не дала себе шанса на самосаботаж. Сейчас не время рассыпаться на осколки перед той, которая сама определяла себя на роль моей соперницы.

Я соперничать ни с кем не собиралась. Пусть забирает Добровольского с потрохами. Мне этот завоеватель больше не нужен.

— Очень мило, что вас моя неловкость заботит, — ответила я идеально выверенным любезным тоном. — Ещё немного, и я почувствую себя обязанной вам за заботу. Сжальтесь. Давайте лучше перейдём к делу. В наш приют обычно приходят питомцев себе выбирать. Есть ещё те, кто готов оказать волонёрскую помощь. Вы случаем не из таких?

Маргарита скривила свои идеальные губы.

— У меня нет столько свободного времени, чтобы тратить его на волонёрство.

— Нет? — деланно удивилась я. — Очень жаль. Лишние руки нам пригодились бы. Тогда, значит, питомца будете выбирать?

— Вы действительно готовы с им развестись? — в льдисто голубых глазах горело не просто праздное любопытство.

Начнём с того, что исключительно из праздного любопытства она бы сюда и не явилась. У Клюевой была какая-то конкретная цель, которой она со мной, конечно же, не спешила делиться.

— Вы о своём любовнике говорите?

Она втянула воздух ноздрями, будто стала свидетельницей исключительно не деликатного поступка.

— Вы готовы безо всяких колебаний расстаться с мужем? Предполагаю, не бесплатно? Собираетесь с ним судиться? Требовать свою половину?

Мне вдруг сделалось смешно от этих вопросов.

— А что вас беспокоит, душа моя? — усмехнулась я и, сцепив пальцы в замок перед собой, покачалась на сносках. — Переживаете, что он из-за вас на половину состояния обеднеет? Тогда он резко вам разонравится?

— Вы думаете, я с ним из-за денег?

— Я, представьте себе, понятия не имею.

— Я люблю его, Дарья.

— Тогда мне вас жаль.

Её бледное лицо с гладкой фарфоровой кожей так и вспыхнуло румянцем, будто я пощёчину ей залепила.

— И можно узнать, почему?

Не скрою, мне доставило удовольствие её лёгкое замешательство. Клюева росла с золотой ложкой во рту. Она привыкла, что жизнь стелилась ей под ноги роскошным персидским

ковром и никто на пути вставать до сих пор у неё не осмеливался. А если такие даже и были, Маргарита почти наверняка обладала всеми необходимыми навыками, чтобы такие незначительные препятствия устранять.

Но всё в жизни когда-нибудь случается в первый раз. В том числе препятствия, которые с наскока не поддаются.

— Предполагала, вы достаточно искушённая и умная для ого, чтобы самой догадаться, — не удержалась я от отравленной шпильки.

Да и к чему было отказывать себе в удовольствии. Я ведь знала, что шпилька эта никакого вреда ей всё равно не принесёт.

— Если вы действительно в него влюблены, вам стоит подготовиться к тому, что взаимность вам не гарантирована. Но мне сложно поверить, что вы настолько наивны, чтобы верить в большую и чистую любовь, из-за которой он решил с вами мне изменить. Для Добровольского вы — часть его бизнес-стратегий. В чём бы они ни заключались. И если будете относиться к этому соответственно, сердца это вам не разобьёт.

— Вы ревнуете или завидуете?

— Вы сделали любопытные выводы.

— Между вами давно нет настоящих чувств и взаимности нет, поэтому вы пытаетесь отравить то, что есть у нас.

Я смотрела на Ключеву и с запозданием понимала, что это не блеф. Она действительно старалась привязать Добровольского к себе всерьёз и надолго. Без учёта его планов и взглядов.

Но это не моя проблема, не моя беда. Пусть разбираются сами.

Поэтому в ответ на её слова и с улыбкой ей предложила:

— Может, всё-таки щёночка посмотрим?..

Глава 15

— Что это?

Игорь с недоумением разглядывал крохотного щенка, которого Маргарита держала на руках. Она сюсюкалась с ним, как с младенцем.

Это не то чтобы его раздражало и он не то что был против питомцев в доме, тем более что не планировал в этом доме так уж часто и надолго задерживаться, но в целом подобные вещи обсуждаются, прежде чем принимаются какие-то конкретные шаги.

Он пока не привык к тому, что Маргариту ещё только предстояло приучить к его правилам. С Дарьей и детьми всё было куда легче. Они давно и чётко знали все правила. Никто никому в этом плане никогда не перечил. А тут... начинай сначала.

— Это не что, а кто. Познакомься с Мальчиком.

— Мальчиком, — повторил он и выразительно посмотрел на неё.

Вместо ответа Маргарита сунула ему щенка едва ли не под нос.

— Посмотри, какая прелесть! Он породистый, кстати. Совершенно здоровый, все нужные прививки сделаны. Паразитов нет. Хоть и найдёныш.

Игорь скривился.

— Ты его что, на улице подобрала?

Маргарита захихикала, снова прижав пушистого малыша к себе.

— Ну ты чего? Как бы я умудрилась на улице его подобрать и знать о прививках? Нет, конечно, у него все документы с собой и даже переноску выдали. Я его из приюта забрала.

Игорь подавил в себе почти неконтролируемое желание закатить глаза под потолок.

Поразительно. Это какой-то знак от мудрой Вселенной, который ему ещё только предстояло расшифровать?

Дарья целый питомник вот таких блохастиков содержала. В своё время настаивала на том, чтобы сделать это собственными силами. Он не стал настаивать и возражать, хотя с его помощью она бы обустроила этот приют вдвое быстрее.

Вместо этого он просто анонимно скидывал им на счёт не вызывавшие подозрения суммы.

Но это всё в прошлом. Он думал, что с приютами в его жизни покончено. И вот на тебе.

— Слушай, такие вопросы вообще стоило бы прежде со мной обсуждать.

Маргарита захлопала ресницами.

— Хочешь сказать, ты бы мне отказал?

— Нет, я не это хочу сказать. Но этот момент для меня принципиален. Мы будем вместе жить в этой квартире, и в таких важных вопросах, как появление питомца, стоит учитывать мнение обеих сторон. Ты так не считаешь?

Маргарита усмехнулась, как ему показалось, с некоторой горечью, которую она, впрочем, попыталась как можно тщательнее замаскировать, снова чмокнув щенка в пушистую макушку. Тот, надо сказать, совершенно не возражал.

— Игорь, ты думаешь, я не понимаю, как будет выглядеть наша с тобой совместная жизнь?

Добровольский позволил себе приподнять бровь, выказывая вежливый интерес к её последующему объяснению.

Маргарита на это фыркнула и покачала головой.

— Я в среде таких акул, как ты и мой папочка, выросла. Я знаю, как строится ваша личная жизнь. Эта квартира... это просто перевалочный пункт для тебя. Ты почти не будешь тут появляться. И я прекрасно отдаю себе в этом отчёт. И я это принимаю. Но мне нужен компаньон, Добровольский. Кто-то, кому я дарила бы своё нерастратченное тепло.

— А на меня ты его растратить не хочешь?

— Я дарю тебе страсть. И много ещё чего, включая вот это роскошное тело, — и для пущего подтверждения она вильнула бёдрами. — Но вот что касается нежностей... ты же этого не переносишь.

— Вот это заявление, — протянул Добровольский. — И откуда такие далеко идущие выводы?

— А я наблюдательная, — усмехнулась она. — И опыт имеется. Говорю же, я выросла среди таких, как ты. Я вашу внутреннюю пустыню исходила вдоль и поперёк. Знаю, что вам нужно. Знаю, чего вы ждёте.

Игорь окинул её продолжительным взглядом.

— А вдруг мне она от тебя всё же потребуется?

— Что?

— Нежность.

Маргарита фыркнула:

— Игорь, даже слово это в твоих устах звучит... неестественно. Ты не создан для нежностей.

Вот так. Безапелляционно.

Странно, но Дарья так не считала. И он не считал — до этого момента. Выходит, по мнению Маргариты, он на нежность сам не способен и в нежности не нуждается?

Было о чём задуматься. Но не сейчас.

— Так он из приюта? — Игорь указал подбородком на откровенно заласканного щенка.

— Ага. Поразительно даже, кто мог бросить такую-то прелесть.

— А что за приют? И как ты умудрилась на него набрести?

Маргарита посмотрела ему прямо в глаза.

— Да я не набредала. У меня был адрес. Это приют Дарьи, твоей почти бывшей жены.

Глава 16

— Ещё раз, — низким голосом потребовал он, впившись в Маргариту испытующим взглядом.

— В смысле? — захлопала ресницами она, продолжая тискать окончательно разомлевшего от такого внимания щенка.

То ли притворялась, то ли действительно не поняла, с чего это он сделал стойку. Но Маргарита дурочкой не была. Не замечал он за ней прежде такой недогадливости.

— Повтори.

— Что? Что у меня был адрес? У меня был адрес. И я взяла щенка из приюта твоей жены Дарьи, — совершенно спокойно повторила Маргарита.

Она наконец отцепила от себя щенка, опустила его в заранее приготовленную лежанку с высокими бортами и, отряхнув свой костюм, выпрямилась.

И ты сообщаешь мне эту информацию так, будто в этом нет ничего странного или ничего, что требовало бы объяснений?

Он сам чувствовал, как напряжение сковало все его мускулы, хотя пока ещё не понимал, почему произошло то, что произошло. Просто, видимо, предчувствие срабатывало — он не ожидал от будущих открытий по этому вопросу ничего хорошего.

— И как это понимать? Какого чёрта ты попёрлась именно в этот приют? В городе что, мало любых других приютов для бездомных собак?

Маргарита дёрнула уголок рта в явном неодобрении:

— Как грубо... Извини, но не припомню, чтобы ты мне запрещал общаться с твоей супругой. И уже тем более посещать какой-либо конкретный приют.

— Зачем ты поехала именно к ней? — процедил Игорь, чувствуя, как выходит из себя.

Прежде её смелость и отсутствие желания и необходимости пресмыкаться перед чьим-либо авторитетом его восхищали, сейчас — раздражали.

— Затем, что у них очень большой выбор питомцев. Я сайт приюта вдоль и поперёк изучила.

— Это ложь. Щенок не был целью.

— Ну надо же, как ты уверен в том, что именно тебе известно истинное положение дел, — хмыкнула Марго. — Ну ладно. Я же понимаю, что от тебя всё равно ничего в итоге не скрыть. Сайт я могла изучить, а вот жену твою — нет. Поэтому и поехала.

— На черта? На черта тебе её изучать?

— Хотела понять, что за женщина так долго владела твоим умом и сердцем. Хотела увидеться с ней. Хотела с ней пообщаться.

Игорь раздул ноздри, пытаясь совладать с всколыхнувшимся со дна души тёмным гневом. Он ненавидел такие вот ситуации. Он не приветствовал чужих инициатив там, где о них никто не просил. И уж тем более когда дело касалось его личной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.